

А. Д. САХАРОВ

О Романове Ю. А.

Ю. А. Романов

«В начале марта 1950 г. я и Юра Романов получили распоряжение немедленно выехать на "объект" для постоянной работы (наш отъезд из ФИАНа оформлялся как "длительная командировка").

В это время мы были неразлучны с Юрой Романовым (ночью, т. к. мы спали в одном номере, днем – на работе, вечером – в часы отдыха).

Моложе меня на 5–6 лет, живой и непосредственный, почти подетски восприимчивый, он очень нравился тогда мне и Игорю Евгеньевичу, который называл его "дитя природы". Да он всем нравился».

О Дмитриеве Н. А.

Н. А. Дмитриев

«Самым молодым был Коля Дмитриев (Николай Александрович), необычайно талантливый, в то время он "с ходу" делал одну за другой блестящие работы, в которых проявлялся его математический талант. Зельдович говорил:

– У Коли, может, единственного среди нас, искра Божия. Можно подумать, что

Коля такой тихий, скромный мальчик. Но на самом деле мы все трепещем перед ним, как перед высшим судьей.

Способности Коли проявились очень рано, он был "вундеркиндом". С 15 лет при поддержке Колмогорова посещал университет, сдал все математические экзамены одновременно с окончанием школы, стал работать у Колмогорова по теории вероятностей, – тот считал его работы многообещающими и тут Коля всегда был на долж-

ной высоте. Но это были отдельные эпизоды. А в начале Колиной деятельности "красивые" работы образовали некую систему. "Объект" превратился в фабрику. Чувство долга обязывало Колю стоять у станка, но по своей природе он был не станочником, а мастером-ювелиром. Зельдович пытался приобщить Колю к "большой" физике, но из этого ничего не получилось – Коля не из тех, кто может сидеть на двух стульях. Все последующие годы он делал много больше большинства сотрудников мат. сектора, но все время остается чувство неудовлетворенности от мысли, что он мог бы в другой области сделать не много, а что-то качественно иное, исключительное. Коля всегда интересовался общими вопросами – философскими, социальными, политическими. В его позиции по этим вопросам ярко проявляется абсолютная интеллектуальная честность, острый, парадоксальный ум. Коля был одним из немногих, не обменявших медаль лауреата Сталинской премии на медаль лауреата Государственной премии. Это было выражением стремления к историчности (как у поляков, не переименовавших Дворец Сталина в Варшаве). По убеждениям и постоянной позиции Коля – нонконформист, он в равной мере противостоит официальной идеологии и моей позиции. Он единственный с "объекта", кто открыто приходил ко мне после появления "Размышлений о прогрессе", потом "О стране и мире" (уже на улицу Чкалова) с просьбой дать их почитать и обсудить. Мои взгляды казались ему совершенно неправильными, но спорил он со мной по-деловому».

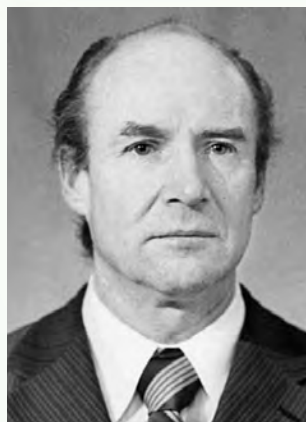
Об Адамском В. Б. и Феодоритове В. П.

«Наибольшие волнения мне доставляло самое мощное изделие... Шли последние дни перед отправкой "мощного"...

Ко мне в кабинет вошел один из моих сотрудников, Евсей Рабинович. Он смущенно улыбался и просил зайти в его рабочую комнату. Там уже собрались все сотрудники отдела, в том числе "ведущие" мощное изделие – Адамский и Феодоритов. Рабинович начинает излагать свои соображения, согласно которым мощное изделие должно отказать при испытании. Он пришел к этому несколько дней тому назад и

В. Б. Адамский

В. П. Феодоритов

только что доложил всему составу отдела, кроме меня, посеяв у большинства самые сильные сомнения. Я работал с Рабиновичем в самом тесном контакте более семи лет, очень высоко ценил его острый критический ум, большие знания, опыт и интуицию. Сейчас, докладывая вторично, он был очень четок и категоричен в своих формулировках. Опасения его выглядели вполне обоснованными. Я считал, что конечный вывод Рабиновича неправилен. Однако доказать это с абсолютной убедительностью было невозможно. Точных математических методик, пригодных для этой цели, у нас не было (отчасти потому, что, стремясь создать изделие, допускающее большое увеличение мощности, мы отступили от наших традиционных схем). Поэтому я, Адамский и Феодоритов, возражая Евсею, пользовались оценками (как и он). Но весь наш опыт говорил о том, что оценки – вещь хорошая, но субъективная. Под влиянием эмоций вполне можно с ними впасть в серьезную

ошибку. Я решил внести некоторые изменения в конструкцию изделия, делающие расчеты тех тонких процессов, о которых говорил Евсей, по-видимому, более надежными... Я решил также известить о последних событиях Министерство и написал докладную, составленную, как мне казалось, в очень обдуманных и осторожных выражениях, по возможности содержащую описание ситуации без ее оценки. Через два дня мне позвонил разъяренный Славский (министр). Он сказал:

– Завтра я и Малиновский (министр обороны) должны вылетать на полигон. Что же, я должен теперь отменить испытание?

Я ответил ему:

– Отменять испытание не следует. Я не писал этого в своей докладной. Я считал необходимым поставить Вас в известность, что данное испытание содержит новые, потенциально опасные моменты, и что среди теоретиков нет единогласия в оценке его надежности...».

«Еще в конце 1950-х гг. некоторые журналисты и политические деятели, в их числе президент США Д. Эйзенхауэр, предложили заключить частичное соглашение о прекращении испытаний, исключив спорный вопрос о подземных испытаниях... Летом 1962 г. сотрудник теоретического отдела Виктор Борисович Адамский напомнил мне о предложении Эйзенхауэра и высказал мысль, что сейчас, возможно, подходящее время, чтобы вновь поднять эту идею. Его слова произвели на меня очень большое впечатление, и я решил тут же поехать к Славскому (министру). В. Б. Адамский был одним из старейших сотрудников теоретического отдела, к тому времени – уже с 12-летним стажем. Он прибыл на "объект" после окончания института почти одновременно со мной, сначала был в отделе Зельдовича; после того, как Я.Б. был отпущен с "объекта" (формально – в 1963 г.), стал моим сотрудником, фактически же – значительно раньше. Принимал участие во всех основных разработках. Я хорошо знал его жену Изу и дочку Леночку. Он был весьма образованным человеком и, опять же, как большинство теоретиков, интересовался общеполитическими проблемами. К моим мыслям о вреде испытаний относился сочувственно, что было для меня поддержкой на общем фоне непонимания или, как мне казалось, цинизма. Я любил заходить к нему поболтать о политике, науке, литературе и жизни в его рабочую комнатку у лестницы».

Сахаров получает диплом почетного доктора Болонья, 1989 г.